

ПЬЕСА «МЕЩАНЕ» была написана А. М. Горьким в 1901 году и впервые поставлена на сцене 65 лет назад труппой Московского Художественного театра во время гастролей в Петербурге. Хотя спектакль, по общему призна-

Саратова «Мещане» были прочитаны не как сцены из семейной хроники Бессеменовых, а как острая социальная пьеса. Была развешена также и легенда о несценичности «Мещан». Новая постановка, осуществленная недавно в Ле-

и в их скованности заключена торжественность — такое олицетворение добродетельной мещанской семьи. Раздвигается занавес, и обстановка дома продолжает мысль о царящем здесь благополучии. Режиссер не торопится. Он

спектакль порою хочется сравнить с симфонией, где самостоятельные темы, сталкиваясь, переплетаясь, противоборствуя, в конце концов, раскрывают мысль — главную, основополагающую, ради утверждения которой театр обратился к «Мещанам», — мысль о враждебности мещанства всему живому и человеческому.

Олицетворенном этого жестокого мира мещанства и одновременно — жертвой его предстает в спектакле все семейство Бессеменовых.

Великолепен старик Бессеменов в исполнении Е. Лебедева. Он ходит медленной, тяжелой походкой, покачивая слегка согнутыми в пальцах руками. Кажется, в любое мгновение эти большие руки сожмутся в кулаки, чтобы отстоять свою правду, свое понимание жизни. Он вспыльчив, нетерпим, навостроен во гневе, но он же и несчастен глубоко. Он по-своему любит своих детей и страдает, что вышли они не такими, какими он хотел бы их видеть. У него на глазах рушится казавшийся ему неизменяемым порядок. Боль и отчаяние звучат в его молитве: «Выслушайте меня! Объясните мне!». Бессеменов-Лебедев всего себя тратит на то, чтобы удержать жизнь, оставить все на старых местах, но жизнь бьет его жестоко, вышибая из семейной цепи одно звено за другим. Уходит Нил, уходит Петр, Татьяна пыталась отразиться. Бессеменов-Лебедев, рыдая, отчаянно стучит по

столю, но не повернуть ему назад событий. Вот она, трагедия мещанского непонимания хода жизни!

Мещанство многолико, утверждает театр. Сразу может показаться, что пропсть проходит между Бессеменовым и его детьми, Татьяной и Петром. Но то, что пропсть эта не так велика, понимаешь еще задолго до того, как Тетерев произнесет свои знаменитые слова о Петре: «Он не уйдет далеко от тебя. Он это временно наверх поднялся, его туда втащили... Но он сойдет и будет жить, как ты, — спокойно, разумно, уютно».

Татьяна у Эммы Полоповой безгранично жалка и опустошена. На ее бледном, не имеющем возраста лице застыли широко раскрытые, полные муки, недобрые глаза. Говорит она нудно, монотонно, сбиваясь на какое-то кликушество, и во всей ее фигуре — расслабленность, безнадёжность. Петр, наоборот, — взвинчен, напряжен, жесты его нарочиты, манерны, он без конца подчеркивает свое раздражение, презрение к родителям, к жизни в их доме. Но в главном Татьяна и Петр схожи — оба они душевно черствы, эгоистичны, не любят и не понимают других людей. Так и живут — несчастные сами, неспособные дать радость другим.

Эти «другие» живут рядом с ними — не герои, не исключительные личности, обыкновенные люди, по-своему несчастные, со своими достоинствами и слабостями. Но ста-

рик Бессеменов недаром воспринимает их как врагов.

Враждебен ему Нил, с его спокойной уверенностью и непредвзятым отношением к жизни. В исполнении К. Лаврова это — принципиальная удача. Так уж повелось, что Нилу приняло было возводить в ранг главного положительного героя пьесы. На этот раз и режиссер, и актер считались не в комментари, а в самый текст горьковской пьесы, и Нил открылся им как просто очень красивый, умный, честный рабочий парень. Он любит жизнь и не боится ее, потому что единственное его богатство — собственные рабочие руки.

Жесткой насмешкой над мещанством выглядит финальная заставка спектакля: снова мы видим фотографию обитателей Бессеменовского дома — только на сей раз живую. Так же чинно и торжественно сидят они все вместе. А семья этой уже нет, рухнула ее устои...

Много лет идут споры о том, как ставить классиков сегодня. «Мы хотим, чтобы классика, отражая прошлое, помогала жить сегодня и строить будущее», — писал Г. А. Товстоногов. Именно так, отвечая на самые насущные вопросы современной жизни, давая бой не только ушедшему, но и сегодняшнему мещанству, поставлены «Мещане» в Ленинградском академическом Большом драматическом театре. Это и есть современное прочтение классики.

Л. КАФАНОВА.

МЕЩАНЕ И МЕЩАНСТВО

нию, успеха не имел (он прошел всего 27 раз), сама пьеса — ее проблематика, ее образы — вызвала поток критических статей, мнений, толкований. Определено было в этой пьесе нечто такое, что задавало сердце, будоражило мысль, заставляя исследователей вновь и вновь возвращаться к ней. Однако зрители относились к спектаклям с уважительным холодком, и за «Мещанам» укрепилась репутация пьесы интересной и глубокой по своим мыслям, но малодейственной и для широкого зрителя, что грех таить. Скуповатой.

В советское время пьеса нашла свою вторую, настоящую жизнь. В ряде театров Москвы, Ленинграда, Горького, Казани,

нинградском драматическом театре имени М. Горького, лишний раз подтверждает это.

Режиссер народных артист СССР Г. А. Товстоногов и коллектив исполнителей выявили то, что и делало пьесу выдающимся произведением, наделяло притягательной силой. В «Мещанах» увидели они трагедию мещанства как мировоззрения, а само мещанство предстало цепкой силой, которая стремится остановить движение в жизни.

Спектакль начинается со своеобразной заставки — на огромной фотографии, снятой в провинциальном лазилоне, на фоне дымящегося Везувия запечатлены все обитатели дома Бессеменова. Они сидят прямо, немного вытянув шеи,

как бы предлагает нам ко всему присмотреться, не упустить ни одной мелочи, вроде полуобнаженной красавицы, украшающей стену, или бутылки с соленьями, громоздящихся на массивном буфете, почувствовать атмосферу этого дома, пока не произойдет... взрыв. Быт интересен режиссеру не сам по себе, а лишь как фон, на котором разворачивается борьба жизненных философий, накаляющаяся страсть до предела, обнажающая самую сущность человеческих характеров.

Также до мельчайших подробностей точно и абсолютно достоверно поведение всех персонажей спектакля. Каждый из них так четко, не сбиваясь, ведет свою линию, что